

УДК 316.7(571.16)

Э.Л. Львова, И.Г. Поправко

ЭСТОНЦЫ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРОБЛЕМЫ МАРКИРОВАНИЯ ГРАНИЦ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ *

Рассматриваются проблемы поддержания и сохранения границ этнокультурной идентичности эстонцев, проживающих в Томской области. Представленные результаты исследования позволяют выделить наиболее значимые маркеры границы их этнической идентичности, а также механизмы ее сохранения и передачи.

Ключевые слова: эстонцы, Томская область, этнокультурная идентичность.

Проблема маркирования границ этнокультурной общности (а соответственно и идентичности составляющих ее индивидов) как нельзя остро стоит именно перед эстонцами, прежде всего, по причине их «разбросанности» за пределами Эстонии. По данным портала rus.delfi.ee (русскоязычного информационного сайта об Эстонии), 12% эстонцев проживают за пределами Эстонии. Всего же в мире 1 млн 60 тыс. эстонцев. Из них 930 тыс. проживают в Эстонии, а 130 – за ее пределами [1]. Проживание в инокультурном окружении остро ставит вопрос маркирования границ своей общности. О том, что эстонцы обеспокоены сохранением и укреплением этих границ (особенно такого значимого маркера, как эстонский язык), могут свидетельствовать некоторые публикации в сети Интернет за последние два года [2]. Обеспокоенность эта выражена как на государственном (поддержка диаспор посредством различных программ становится, по сути дела, государственной задачей), так и на общественном уровнях.

В России, по результатам переписи 2002 г., проживает 28 113 эстонцев. Это составляет более 20% от общего количества эстонцев, проживающих за пределами Эстонии. Сибирь – одно из мест компактного проживания эстонцев – потомков переселенцев начала XX в. Томская область – один из таких сибирских регионов, здесь проживает 751 человек, из которых большинство (572) компактно живут в Первомайском (с. Березовка) и Зырянском (с. Вабмолы) районах области и в г. Томске [3]. Именно из-за небольшой численности эстонцы в Томской области обеспокоены сохранением своей этнокультурной идентичности. Особенно это просматривается в сообществе эстонцев, живущих в сельской местности.

Мы публикуем результаты этносоциологиче-

ского обследования эстонцев Томской области (август 2009 г.), основными вопросами которого были следующие: Какими маркерами эстонцы обозначают границы своей этнической общности сегодня? Какими средствами они описывают свою этническую общность? Насколько устойчивы эти характеристики и эти границы – менялись ли они на протяжении времени?

В качестве основной методологии исследования выбран системный подход Н. Лумана, согласно которому система определяется не как конечное число элементов, а как бесконечное число *операционально-пригодных дифференциаций «свои – чужие»*. Дифференциации эти опредмечиваются в дискурсе. Этническая общность в данной терминологии является самореферентной системой, способной наблюдать самое себя. «Она способна настраивать свои собственные операции на свою собственную тождественность, на основании различения, с помощью которого можно отличить свою идентичность от другого» [4. С. 194]. Дифференциация идентичности и различия системы возможны только при воспроизводстве системы как самореферентной. При таком понимании социальной системы оказывается, что элементами системы являются коммуникации, а не социальные действия или люди. основополагающей категорией системы является категория «дискурс». Дискурс есть средство самоописания системы и, одновременно, сфера ее опредмечивания. Фундаментом самореферентных систем является так называемая «угрожающая комплексность мира», которая имеет три измерения. Предметное (проблема жизнеобеспечения), темпоральное (неопределенность прошлого, страх перед будущим) и коммуникативное (непонимание, конфликт, одиночество) измерения. В качестве необходимого условия возникновения

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009 (проект «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности»).

системы выступает актуализация значимого: значимым может быть производство, происхождение, уклад или локус. И, наконец, самореферентная система существует и воспроизводится через самонаблюдение, самоописание (аутопоесис). Аутопоесис осуществляется посредством двух механизмов: 1) тавтология-парадокс («Кто я есть?» или «Кто я не есть?») – выбор зависит от степени враждебности окружающего мира; 2) семантика-структура (обыденный или профессиональный, рационализированный язык) [4. С. 194–218].

Помимо системной теории Н. Лумана, в исследовании использован ряд категорий феноменологической социологии, в частности понятие «интерсубъективность» и концепция «жизненный мир» (А. Шюц) – его структурирование по степени устойчивости форм опыта [5. С. 180–201]. Интерсубъективность – это восприятие вещей не только через язык, но и через общий контекст. Важное место в методологии исследования занимает понятие «культурной границы» (Ф. Барт). Рассматривая культурные границы в связи с этничностью, Ф. Барт интерпретировал последнюю как форму социальной организации культурных отличий. По мнению Ф. Барта, маркирующие этническую группу характеристики являются результатом исторических, политических, экономических условий и конкретных ситуаций, а сама этническая граница является актом сознания человека.

В качестве основных методов исследования были использованы три: 1. *Полуструктурированное экспертное интервью*, число опрошенных – 11 человек. Критерии подбора экспертов – возраст (в основном старше 35 лет); образование (высшее, среднее специальное); «погруженность» в тематику и проблематику эстонского сообщества Томской области (участие в работе национальных, культурных, общественных и образовательных организаций). 2. *Фокус-группа* (в ней приняли участие эстонцы г. Томска, а также представители управленческой, образовательной и культурной сфер). 3. *Массовый опрос*. Выборка (только в сельской местности) – 100 человек (отвечает критерию *репрезентативности*).

Границы этнической идентичности эстонцев

При обращении к данным экспертного опроса необходимо обозначить границы сообщества эстонцев Томской области, которые оно само определяет. Или, выражаясь языком Никласа Лумана, выявить у эстонцев наличие и характер «операционально-пригодных дифференциаций *свои – чужие*» (контингентности – инаковости). При определении дихотомии *свои – чужие* выясняется, что в качестве «операционально-пригодных диф-

ференциаций» такого типа в настоящее время выделяются следующие:

1) **«тесная семейственность»** (выражается в распространенной практике составления больших генеалогических древ, а также в постоянном тесном и интенсивном общении с родственниками, живущими в одной деревне: «Для нас это очень характерно, потому что мы оторваны от «большой родни» – в Эстонии, поэтому мы и держимся друг за друга. И эта клановость для эстонцев, живущих в Березовке, особенно характерна»);

2) связанная с ней гораздо **меньшая (по сравнению с русскими) «родственная дистанция»** («дальние родственники у эстонцев не такие уж и дальние, какими они могут считаться у русских»);

3) некоторые **особенности традиционной праздничной культуры** – отмечать Янов день в Березовке съезжаются практически все эстонцы области (включая и городских), и не только эстонцы;

4) **воспроизводство и четкое обозначение некоторых присущих только эстонцам определенных черт характера**. Прежде всего, это **вдумчивость** («Вдумчивость означает то, что человек ничего в жизни не делает спонтанно. Это качество, благодаря анекдотам про эстонцев, где оно довольно гиперболизировано, для многих представляется смешным, однако на самом деле это не так»). Второе качество – это **сдержанность в проявлении эмоций** («Эстонцы очень сдержанны, даже на похоронах. Рыдать, голосить громче обычного просто не дозволено. Эстонцы держат свои переживания внутри»). И, наконец, третья черта «эстонского национального характера» – это, в некотором роде, **закрытость от внешнего мира**, что, однако, не проявляется в негостеприимности. Закрытость тесно связана с привычкой не выставлять напоказ свои эмоции: «В деревне у нас эстонцы садят во дворе деревья – кедр, ель, рябину. Все это для того, чтобы отгородить свой «мирок» от большого мира. В этом смысле они закрыты, интроверты».

Однако эта закрытость не проявляется в виде установок на моноэтнические браки. Как показал опрос, подавляющее большинство респондентов (84%) положительно отнеслись бы к вероятности вступления своего ребенка в межэтнический брак. Распределения ответов на данный вопрос можно увидеть в табл. 1.

Таблица 1. Как бы Вы отнеслись к тому, чтобы Ваш ребенок вступил в брак с представителем другой национальности? (%)

Положительно	84
Отрицательно	1
Затрудняюсь ответить	15

5) сохраняющиеся во многом на безрефлексивном уровне, но тем не менее четко воспроизводимые **особенности воспитания детей в эстонских семьях**: бережное отношение к личности ребенка, сдержанный и весьма рациональный подход к воспитанию («Родители не говорили, что это нельзя делать, а это – можно. Они просто создавали такие ситуации, когда ты сам понимаешь что можно, а что нельзя. Слов для этого не нужно было»): воспитание трудолюбия, ценность образования и «образованности» как таковой.

По мнению экспертов, этот маркер идентичности может быть связан с **религиозной (протестантской, лютеранской) этикой**.

Нельзя сказать, ссылаясь на данные нашего исследования, что религиозная и этническая идентичность эстонцев тесно связаны (отнесение себя к лютеранству, поскольку «эта религия является неотъемлемой частью эстонской культуры», – третье место в рейтинге подобных оснований) (в отличие, например, от татар, у которых эти две идентичности тесно переплетены). Религия не была отмечена в качестве значимого маркера этнической идентичности эстонцев. В большей степени выражена именно **фидуциальная сторона** религии. Подтверждается это и данными массового опроса табл. 2.

Таблица 2. Отношение к религии (лютеранству) (%)

Я не религиозный человек	42
Я лютеранин, потому что верую в Бога	33
Я лютеранин, потому что эта религия является неотъемлемой частью эстонской культуры, это религия моего народа	11
Я лютеранин, потому что родился и вырос в лютеранской семье	10
Я лютеранин, потому что хожу в церковь, отправляю религиозные обряды	3
Я лютеранин, потому что знаю и чту Библию	2
Другое	13
Пропущено	2

Таблица 3. Читали (читаете) ли Вы Библию, другие религиозные тексты? (%)

Читал (читаю)	20
Не читал (не читаю)	71
Библию не читал, но знаю основные молитвы	6
Другое	3

Большинство опрошенных эстонцев не считают себя религиозными. Но, как показывает экспертный опрос, «религиозность» фигурирует на безрефлексивном, поведенческом, практическом уровне (этическая регуляция поведения, использование текста «Сон матери Иисуса Христа» в качестве личного оберега), причем именно простота обрядовой стороны очень хорошо и гармонично сочетается с указанными качествами эстонского

характера. Дополнительной иллюстрацией к вышеизложенному могут послужить данные табл. 3.

Эстонский язык не был отмечен экспертами в качестве значимого маркера этнической идентичности современных эстонцев (особенно это касается молодых эстонцев), однако результаты массового опроса показывают иную картину (табл. 4).

Таблица 4. Обоснования своей принадлежности к эстонскому народу (%)

Я эстонец, потому что у меня родители эстонцы	91
Я эстонец, потому что эстонский язык является моим родным языком	52
Я эстонец, потому что я люблю эстонскую культуру и интересуюсь ею	25
Я эстонец, потому что мой образ жизни соответствует эстонскому жизненному укладу	23
Я эстонец, потому что я живу среди эстонцев и общаюсь в основном с эстонцами	14
Пропущено	2

Таким образом, этнолокальное сообщество эстонцев Томской области представляет собой самореферентную систему, которая отличает себя от окружающей среды и воспроизводит эту границу [6. С. 17]. Значимыми и актуализированными маркерами этой границы на данном этапе являются **происхождение** (отнесения себя к эстонцам по факту рождения в семье его представителей) и **уклад** (особенности семейно-родственных отношений, включая особенности воспитания, а также формируемые в процессе воспитания особенности национального характера, язык).

Таблица 5. Из какого брака является выходцем респондент? (%)

Моноэтничный: отец – эстонец, мать – эстонка	71
Смешанный-1: отец – эстонец, мать – русская	8
Смешанный-2: отец – русский, мать – эстонка	5
Смешанный-3: отец – эстонец, мать – эстонка/русская	1
Смешанный-4: отец – эстонец/русский, мать – эстонка	1
Смешанный-5: отец – эстонец, мать – другая национальность	2
Смешанный-6: отец – другая национальность, мать – эстонка	10
Пропущено	2

Однако подобные выводы об актуализированных значимых сферах обладают пока промежуточным характером, поскольку **контингентность** (идентификация со «своими») эстонцев Томской области имеет сложную структуру. Это связано с особенностями происхождения (смешанный брак – табл. 5), среды проживания (гетерогенной) и разнообразием коммуникативных ситуаций – контингентность эстонцев в Томске или в с. Березовка (или Вамболы) отличается от их же контингентности в Эстонии.

Следовательно, при самоописании (*аутопое-сисе*) этнической общности требуется гораздо

больше семантических затрат. Сама дифференциация структурирована.

Так, например, найденные по спискам из похозяйственных книг (в основном ориентиром служили имена и фамилии предполагаемых респондентов), казалось бы, «точно эстонцы» не всегда в самоопределении называли себя таковыми. Результаты ответов на вопрос об этнической принадлежности, отраженные в табл. 6, весьма показательны.

Таблица 6. К какой национальности Вы себя относите? (%)

Эстонец	77
Русский	7
Смешанная этническая принадлежность (русский / эстонец)	9
Не указано	7

Чуть больше пятой части опрошенных «эстонцев» (23%) далеко не так однозначно определяют (некоторые вообще никак не обозначили) свою этническую принадлежность. При этом в большей степени (хотя пока и не так ярко выражено) теми, кто определяет себя «не эстонцами», являются люди от 16 до 35 лет. Это видно на рис. 1.

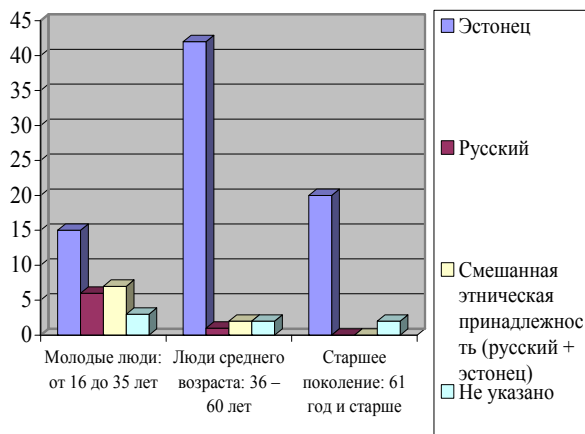

Рис. 1. Распределение респондентов, кто не назвал себя «эстонцем», по возрастным группам

Таблица 7. Кем Вы себя укажете в предстоящей переписи населения РФ? (%)

Эстонцем	69
Русским	11
Другое	1
Затрудняюсь ответить	13
Не указано	6

Еще больший процент такой категории «не эстонцев» (31%) обозначился при ответе на вопрос о том, какую этническую принадлежность они укажут в переписи (табл. 7).

Вопрос о необходимости учитывать двойную этническую принадлежность в переписи не выявил особенных предпочтений (табл. 8).

Таблица 8. Нужно ли учитывать при переписи двойную национальную принадлежность? (%)

Да	24
Нет	24
Затрудняюсь ответить	13
Не важно	23
Пропущено	16

Интересен тот факт, что 24% ответивших «да» – это люди молодого и среднего возраста. Среди ответивших положительно нет ни одного представителя старшего поколения. Это связано с тем, что среди «молодых эстонцев» больше выходцев из смешанных браков (кроме того, они языком практически не владеют, а язык, как известно, является мощным маркером идентичности), и, соответственно, проблема самоопределения стоит гораздо острее.

Отношение к отмене фиксации в паспорте национальной принадлежности у опрошенных эстонцев довольно равномерно распределено по трети респондентов на каждый из вариантов – от сугубо положительного, до отрицательного и треть – затруднились с ответом (табл. 9).

Таблица 9. Как Вы относитесь к исключению из нового российского паспорта графы «национальность»? (%)

Положительно	15
Скорее положительно	17
Скорее отрицательно	10
Отрицательно	22
Затрудняюсь ответить	36

Дополнительным маркером этнической идентичности может быть *степень ее субъективной значимости*, актуализации среди прочих идентичностей человека – социальных, коммуникативных, рефлексивных и др. Методом определения подобного маркера является известный в психологии тест М. Куна – Т. Макпартленда «Кто Я?» [7]. Используя его модифицированную версию (вместо 20 вариантов ответа на вопрос «Кто Я?», нашим респондентам было предложено дать 5 таких ответов), мы получили следующие данные о степени актуализации этнической идентичности среди эстонцев Томской области (рис. 2).

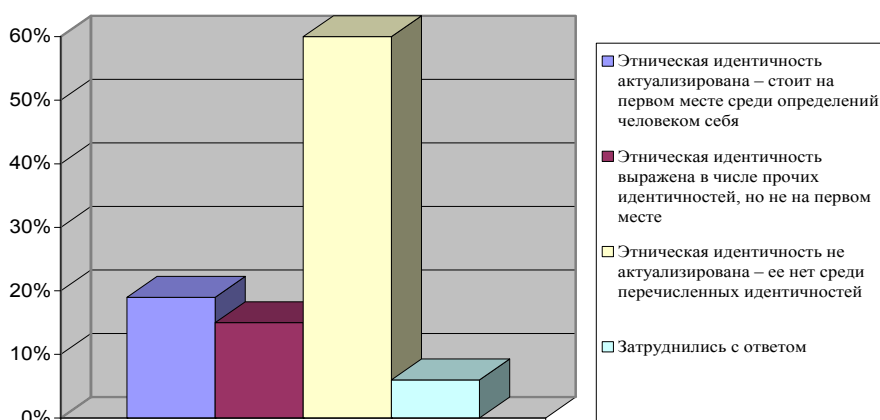

Рис. 2. Степень актуализации этнической идентичности у эстонцев Томской области

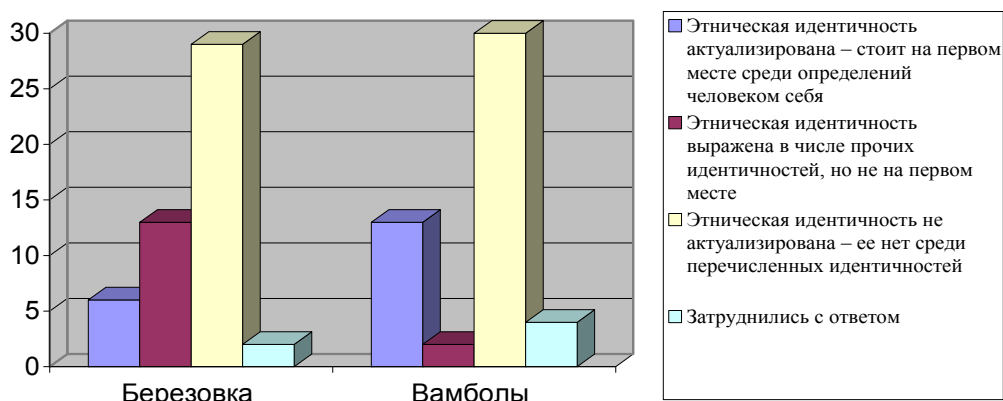

Рис. 3. Зависимость актуализации этнической идентичности от места проживания респондента

Этническая идентичность не актуализирована у подавляющего большинства респондентов (60%), в равных долях она присутствует в качестве значимой идентичности в числе первых (19%) и просто значимых идентификаций (15%).

При этом нет статистически значимых зависимостей степени выраженности этнической идентичности ни от возраста респондентов, ни от места проживания. Этническая идентичность не актуализирована у большинства опрошенных в каждой возрастной группе. Однако интересно отметить, что в Березовке и Вамболах среди относительно выраженных типов этнической идентичности оказались разные, причем в примерно равном соотношении: в Березовке этническая идентичность представлена в числе прочих социальных идентичностей, но не на первом месте; в Вамболах,

напротив, актуализирована этническая идентичность (она стоит на первом месте).

Возможное объяснение этому может быть найдено в сравнении общей социальной атмосферы в исследованных деревнях. С. Березовка достаточно благополучное в экономическом, социальном и культурном плане – село живое, работают школа, клуб, в то время как д. Вамболы пребывает в депрессивном состоянии – люди в основном уехали, работы в деревне нет, нет клуба, а с сентября 2009 г. закрыли и школу. Подобные социально-экономические проблемы, как отмечают исследователи, способствуют актуализации этнической идентичности в числе прочих социальных идентификаций человека (не на что больше опереться, как на «этнические корни»).

В целом же общая «неактуальность» этнической идентичности (у 60% опрошенных) среди прочих значимых социальных идентификаций объясняется стабильно благоприятной межэтнической обстановкой в Томской области. Этносоциологами на реперзентативных выборках было установлено, что, как правило, этническая идентификация не является первостепенной, она уступает так называемым базовым идентификациям (отец, мать, дочь, сын, мужчина, женщина и т.п.). Этническая идентичность актуализируется в сложных, этноконфликтных ситуациях. Например, она была выше у осетин и русских в Северной Осетии после вооруженных столкновений с ингушами [8. С. 19].

Важным аспектом анализа проблемы маркирования эстонцами, живущими в Томской области, границ своего этнокультурного пространства явилось выяснение того, проходят ли эти границы между ними и эстонцами, живущими в Эстонии. Респондентам было предложено ответить на вопрос «Считаете ли Вы, что эстонцы, которые живут в Томской области, отличаются от эстонцев, живущих в Эстонии? Если да, то чем? Почему?» Распределение ответов на этот вопрос показано в табл. 10.

Таблица 10. Считаете ли Вы, что эстонцы, которые живут в Томской области, отличаются от эстонцев, живущих в Эстонии? (%)

Да	76
Нет	11
Затрудняюсь ответить	10
Другое	2
Пропущено	1

Более 60% из утвердительно ответивших на вопрос об отличии эстонцев, живущих в Томской области, от тех, что живут в Эстонии, назвали главной отличительной чертой *язык*. Далее следуют *культура, образ жизни, качества характера* – общительность, доброта, гостеприимность, простота в общении. Были такие респонденты, которые сделали акцент не на том, что ИХ отличает от эстонцев, живущих в Эстонии, а наоборот. В числе попавших в эту категорию черт был отмечен *национализм* эстонцев, живущих в Эстонии, их негативное отношение как к русским, так и к «сибирским» (или «русским») эстонцам. Эта черта была отмечена и в интервью с экспертами: «*Эстонцам в Эстонии присуще чувство обиды на Россию, у эстонцев, которые переселились в начале XX в. в Сибирь, такого нет*». В то же время есть мнение, что в Эстонии живут «настоящие эстонцы», а в Томске – «смешанные». Именно проживание в среде русских выделяется главной причи-

ной указанных различий: «*Мы считаем себя обрусевшими*».

Интенции на углубление о расширении осведомленности о своей этнической группе специально нами не замерялись, однако эксперты высказали следующие мнения на этот счет: «*Существует определенная вероятность, что лет через 100 эстонская культура, если рассматривать ее через язык, традиции, религию, может просто исчезнуть. Но это отнюдь не означает, что исчезнет эстонская общность. Просто культура существует и будет существовать на уровне межличностных отношений. Для эстонцев это особенно характерно*».

Исследование также показало, что этническая идентичность эстонцев актуализирована в большей степени на поведенческом уровне, который представлен через оценку погруженности респондентов в эстонскую культуру – язык, быт, традиции и др.

Оценку погруженности респондентов в культуру следует начать с выявления степени владения ими эстонским языком. Язык был отмечен как важный маркер этнической идентичности. Однако маркирование границы через язык («Я эстонец, потому что эстонский язык является моим родным языком») далеко не всегда означает то, что язык реально используется респондентом в разговорной практике.

Данные опроса показали, что 44% респондентов свободно владеют эстонским языком, 27% владеют им на разговорном уровне. Таким образом, 71% опрошенных используют язык в «активной форме». Степень владения эстонским языком у 10% респондентов можно определить как «пассивную» – «Понимаю, но не говорю». 16% опрошенных эстонцев не владеют языком вообще (табл. 11).

Таблица 11. Степень владения эстонским языком (%)

Владею свободно (говорю, читаю, пишу)	44
Понимаю, но не говорю	10
Говорю, но не читаю и не пишу	27
Не владею	16
Другое	3

При обработке данных пакетом STATISTICA Версия 6.0 Graph обнаружилась зависимость между степенью владения эстонским языком и возрастом респондента – молодые люди в наименьшей степени владеют эстонским языком. Отмечаемая и в интервью утрата эстонского языка среди молодежи связывалась экспертами с отсутствием среды его функционирования – в семьях перестали говорить на эстонском языке, в селах население все больше становится смешанным (поэтому основ-

ным языком общения становится русский), многие эстонцы уезжают. Самым распространенным суждением является следующее: «Молодые люди эстонским языком не пользуются, а люди среднего поколения (особенно те, кто старше 40 лет) говорят на нем в основном со старшим поколением, которым легче поболтать на эстонском, чем на русском языке. Именно представители старшего поколения являются хранителями и носителями эстонского языка».

Более половины опрошенных (57%) указали, что в их семьях в основном говорят на русском языке. В целом данные отражены в табл. 12.

Таблица 12. На каком языке в основном говорят в Вашей семье (в кругу близких Вам людей)? (%)

На эстонском	12
На русском	57
В равной степени на том и другом языках	29
Пропущено	2

Пожалуй, единственной возможностью реальной языковой практики в настоящее время являются поездки в Эстонию: «В Эстонии мы говорим по-эстонски, бывает, что не сразу понимаем их, а они – нас (из-за разницы в говоре), но постепенно это непонимание проходит». Однако возможность использовать этот фактор повышения своей языковой компетентности имеют далеко не все эстонцы, живущие в Томской области. (Думают почти половина (49%) респондентов – по-русски, треть (29%) – в равной степени по-эстонски и по-русски и лишь 19% – по-эстонски).

Кроме языка, о степени погруженности человека в культуру могут сказать данные о регулярности чтения им литературы на национальном языке (табл. 13).

Таблица 13. Читаете ли Вы литературу на эстонском языке (книги, газеты, журналы)? (%)

Регулярно читаю	2
Иногда читаю	24
Не читаю	73
Другое	1

Довольно низкий процент читающих регулярно, а также иногда – почти в два раза меньше нечитающих. Слушающих иногда эстонскую музыку оказалось вдвое больше подобной категории «чтецов» (табл. 14).

Таблица 14. Слушаете ли Вы эстонскую музыку? (%)

Регулярно слушаю	5
Иногда слушаю	47
Не слушаю	48

Во многих случаях «не-слушание» объяснялось отсутствием возможностей – не на чем / нечего слушать.

Примерно столько же среди опрошенных эстонцев знающих в пределах общих исторических событий историю эстонского народа (табл. 15).

Таблица 15. Насколько хорошо Вы знаете историю своего народа? (%)

Знаю и активно интересуюсь (читаю литературу по истории эстонского народа)	5
Знаю в пределах общеизвестных исторических событий	46
К сожалению, знаю мало	47
Другое	2

Как известно, национальная кухня во многих случаях может выступать одним из стабильно сохраняющихся маркеров границ этнической общности. Согласно данным опроса, блюда эстонской кухни присутствуют на праздничном столе у трети (32%) респондентов, а чуть более четверти (26%) готовят эти блюда ежедневно (табл. 16).

Таблица 16. Какое место в Вашем питании (в питании Вашей семьи) занимают блюда эстонской кухни? (%)

Они готовятся почти ежедневно	26
Они готовятся в основном по праздникам	32
Затрудняюсь ответить	19
Другое	22
Пропущено	1

Механизмы кумуляции и каналы трансляции этнической идентичности эстонцев

Как показал экспертный опрос, основным механизмом сохранения этнической идентичности эстонцев является *поддержание семейно-родственных связей*, отсюда же – знакомство с историей народа (на примере генеалогии собственной семьи), с историей своей семьи, адекватное восприятие этой истории. При этом, как отмечают эксперты, язык может быть утрачен, но вот семейная история должна быть сохранена и передана последующим поколениям. Другим механизмом сохранения эстонской идентичности в Томской области является *компактность проживания* – в д. Березовка, Вамболы. Это условие обеспечивает и высокую частоту контактов с родственниками.

Среди *каналов трансляции* (а они очень тесно переплетены с механизмами кумуляции) этнической идентичности современных эстонцев следует выделить *межпоколенческую коммуникацию* (основными носителями культурной информации являются бабушки, дедушки). Кроме этого, важным и развивающимся каналом сегодня является *поддержание связей с родственниками в Эстонии*. Это выражается в поездках и, сопровождаемой их интенсифика-

ции родственных контактов, а также в повышении уровня языковой компетенции. Довольно «экзотиче-ский» канал трансляции был выделен одним из экс-пертов: некая «генетическая восприимчивость к языку, которая присуща эстонцам» и которая мо-жет позволить им (даже при видимой потере) вос-становить утраченные языковые навыки.

Наиболее существенными **каналами сохра-нения** эстонской культуры респонденты видят следующие: поддерживать связи с Эстонией (культурные, образовательные, экономические и др.) (42%), сохранять и поддерживать компактное проживание эстонцев (33%), максимально повы-шать и поддерживать уровень знания эстонцами своего языка (29%), расширять культурное обще-ние на местном уровне (открывать клубы, центры эстонской культуры) (28%).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рапорт*: 12% эстонцев живет за пределами Эсто-нии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rus.delfi.ee/>

daily/estonia/raport-12-estonce-V-zhivet-za-predelami-estonii.d?id=32145121, свободный.

2. *Шведские* эстонцы просят статуса языка меньшинства для эстонского [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rus.delfi.ee/daily/estonia/article.php?id=20900525>, свободный; Эстонцы в Финляндии: от уборщицы до ученого [Электрон-ный ресурс]. Режим доступа: <http://www.moles.ee/04/Mag/13/15-1.php>, свободный; В Лондоне открыта эстонская школа [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.baltinfo.ru/2009/06/01/V-Londone-otkryta-estonskaya-shkola>, свободный.

3. *Национальный* состав муниципальных образований Том-ской области: Стат. бюллетень / Томскстат – Томск, 2004. 30 с.

4. *Луман Н.* Тавтология и парадокс в самоописаниях совре-менного общества // СОЦИО-ЛОГОС. М., 1991. С. 194–218.

5. *Шютц А.* Феноменология и социальные науки // Шютц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом: пер. с нем. и англ. М., 2004.

6. *Посконин О.В.* Общественно-политическая теория Н. Лумана: Методологический аспект. Ижевск, 1997.

7. *Кун М., Макпартленд Т.* Тест «Кто Я?»: модификация Т.В.Румянцевой [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vsetesti.ru/424/>, свободный.

8. *Дробижева Л.М.* Этносоциология сегодня. Проблемы методологии междисциплинарных исследований // Междис-циплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии. М., 2005.